

УДК 821.161.1-3(Сорокин В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,44

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.33; 17.82.31 Код ВАК 10.02.19; 10.01.01

Д. В. Питолин D. V. Pitolin

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАДЫ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ
В. СОРОКИНА «ТЕЛЛУРИЯ»**

**METAPHORICAL MODELING
OF THE CONCEPTUAL DYAD
“ONE’S OWN — ALIEN” IN THE NOVEL
“TELLURIA” BY V. SOROKIN**

Аннотация. Рассматривается метафорическое моделирование концептуальной диады «свой — чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия». Методика исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов) и теории концептов В. И. Карасика. Выделены основные виды метафор, представляющие в тексте оппозицию «свой — чужой» (зооморфная, фитоморфная, религиозная — со сферой-источником «сверхъестественное»). Выявляются исторические прототипы пропаганды, представленной в книге. Они связаны с жанром романа — антиутопической политической сатирой.

Abstract. In this article the matter of metaphorical modeling of the conceptual dyad “one’s own — alien” in the novel “Telluria” by V. Sorokin is considered. Basic types of metaphors that represent opposition “one’s own — alien” and historical prototypes of fictional propaganda of the book are found. The methods used in the research are based on the theory of conceptual metaphor worked out by G. Lakoff and M. Johnson, theory of metaphorical modeling (N. D. Arutyunova, E.S. Kubryakova, A. P. Chudinov) and the theory of concepts of V. I. Karasik. The main types of metaphors are singled out, which represent the opposition “own - alien” (zoomorphic, phytomorphic, religious – with the source domain “supernatural”). Historical prototypes of the propaganda shown in the book are revealed. They are connected with the fact that the novel is written in the genre of anti-utopia political satire.

Ключевые слова: концептуальная метафора; дихотомия «свой — чужой»; современная русская литература.

Key words: conceptual metaphor; dichotomy “own – alien”; contemporary Russian literature.

Сведения об авторе: Питолин Данил Викторович, аспирант, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

About the author: Pitolin Danil Victorovich, Assistant Lecturer, Post-graduate Student of the Department of the Translation Studies.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: danilpitolin@gmail.com.

Данная статья посвящена изучению метафорического моделирования концептуальной диады «свой — чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия». Методика предлагаемого исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов) и теории концептов В. И. Карасика, которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Метафорическая диада «свой — чужой» представляется одной из базовых бинарных оппозиций в языковой картине мира. Рассматриваемая нами концептуальная диада «свой — чужой» относится к базисным мифологемам ценностной картины мира. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). С развитием общественного сознания группа «не людей»,

или «чужих», приобретает статус социальной. Выделяя социальный характер концептуальной диады «свое — чужое», Ю. С. Степанов отмечает, что она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Кроме того, групповые социальные понятия «друг — враг» (варианты: «свои — чужие, «мы — они») предшествуют становлению категории личностной идентификации — «я» [Кон 1978: 128; Поршнева 1977: 95].

Концептуальная диада «свой — чужой» служит универсальным принципом концептуализации реальности. Она может выступать макрокоррелятом действительности, трансформируясь в прочие биполярные категории. Она может расширяться до доменов географического пространства согласно принципу трансформаций по аналогии, выработанному

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Питолин Д. В., 2014

в структурной антропологии: свое — дом — ферма — поле — отдаленное [Leach 1964: 36].

В целом исследования оппозиции «свое — чужое» в русле лингвокультурологической проблематики позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальной спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами (M. Bamberg, 2004; J. Fabian, 1996; E. Leach, 1964; В. И. Карасик, 2002; В. В. Красных, 2003; С. Л. Сахно, 1991; А. Н. Серебренникова, 2005; Ю. С. Степанов, 2004; Т. В. Цивьян, 2005 и др.).

Роман Владимира Сорокина был издан осенью 2013 г. и обратил на себя внимание как рядовых читателей, так и многих литературных критиков. Моментально он вошел в списки номинантов сразу нескольких престижных литературных премий, таких как «Нацбест» и литературная премия им. Александра Пятигорского. Вслед за предыдущим романом писателя, называвшимся «День опричника», «Теллурию» относят к жанрам антиутопии и политической сатиры. Два этих романа объединены не только жанрово, их действие разворачивается в одной художественной реальности, лишь с разницей во времени. Герои «Теллурии» живут в «Новом Средневековье». Читателю предстают раздробленные Европа и Россия, которых в привычном нам понимании уже не существует: войны сильно изменили политическую карту, и теперь на ней появились Государство Московское, Рязанское Княжество, Лангедок (государство тамплиеров на юге нынешней Франции), СШУ (Соединенный Штаты Урала) и некоторые другие. Роман разбит на 50 глав, действие которых происходит в разных новообразованных государствах с практически всеми возможными системами управления. У каждой из этих глав свой протагонист, язык, стиль повествования, однако, поскольку роман, по мнению многих, является «коллекцией современных страхов» [Грозный] в политике, то риторика, особенно в том, что касается оппозиции «свой — чужой», чаще всего восходит к образам пропаганды одной из самых страшных эпох человечества — середины XX в.

Вслед за «эталонными» образцами пропаганды, одним из преобладающих видов метафоры в романе Сорокина является зоометафора. Согласно исследованиям швейцарского профессора Д. Вайса, такой вид метафоры был особенно характерен для представления образа врага в сталинский и хрущевский периоды [Вайс 2008: 189]. Таким образом, в «Теллурии» «чужие» представленными классическими образами, начиная с самого об-

щего: «чужой — это зверь». *Руки этих зверей двуногих по локти в крови.* Особенно много подобного рода метафор встречается в 5 главе романа, «Очерк о командире уральских партизан капитане Исанбаеве», которая стилизована под газетную заметку военной хроники: *Под его командованием партизаны совершили 213 боевых операций... против режима бешеной собаки Кароп... и даже против монгольских империалистов, дотянувших свои кровавые щупальца и до земли уральской.* Разными, но неизменно «чуждыми» метафорами описаны противники партизанского отряда. В то время как правитель Кароп представлен в образе больного, но относительно понятного животного — собаки, «монгольские империалисты», очевидно, куда менее понятны партизанам, и более опасны, так как облечены в неких холодных моллюсков или членистоногих из глубин океана. В других главах романа «чужие» становятся волками, которые, напав однажды на человека, должны быть истреблены, пока не захотят вновь отведать человеческой крови: *Ежели волк единожды человеческой крови наелся — наестся и вдругоредь.* Однако, если речь о «чужих» ведется уже не с позиции силы, когда, несмотря на опасность и дикость хищника, охота на него осуществляется людьми разумно и обща, а с позиции жертвы, разделение на «своих» и «чужих» происходит с помощью других зооморфных метафор — уже и протагонист, и антагонисты становятся животными: *Бегающего-то зайца собакам забавней травить.* Так, используя образ охоты, описывает свое незавидное положение княгиня Семизорова, которая, попав в опалу, убегает из Москвы, страшась ареста и казни.

Еще одной природной метафорой чужеродности, популярной в дискурсе советской пропаганды середины XX в., является метафора растения, а точнее сорняка [Вайс 2007: 200]. Слово «сорняк» и однокоренные «сор», «засорять» противопоставлялись «чистоте». Сорокин воспроизводит и эту систему образов в 7 главе романа, «Рязанское царство. Охота рязанского князя и московского графа». Несмотря на то что разговор происходит в государстве победившей монархии, автор стилизует сам диалог в соответствии с историческими образцами уже двадцатого века: *Тотальный геноцид народа русского за шестьдесят лет не восполнишь. Большевики истребляли цвет нации, расчищая поле для жидовских репьев да быдлярской лебеды. Вот она и дала потомство, лебеда-матушка! Ее с корнем труденько выдернуть!* Подобная реплика с незначительными изменениями вполне вписалась бы

в контекст любой радикальной пропаганды того времени.

Одним из излюбленных образов врага в дискурсе двух главных тоталитарных идеологий прошлого века считают образ нечисти. Этот собирательный образ включает в себя несколько отличающиеся в немецком и русском языках сущности, тем не менее пользовался неизменной популярностью у пропагандистов. Вслед за авторами политических текстов прошлого, автор «Теллурии» «оживляет» различных упырей и вампиров в своем романе: *Восемьсот мертвых упырей! — потрясал кулачками Зоран*. Именно так описывает своих будущих поверженных врагов один из героев, осматривая оружие. Однако к подобному образу «чужого» в этой книге прибегают не только будущие революционеры, но и самые обычные герои, своего рода «люди из народа», рассуждающие о положении дел в государстве и его главе: *А Он последний год токмо кровию подданных своей жив, упырь. Пил, пьет и будет пить кровь нашу, пока в могилу не отвалится*. Независимо от того, внутренний враг или внешний, он неизменно вытягивает жизнь, пьет кровь народа. При том что роман состоит из описания множества противоборствующих идеологий, метафора «нечисти» представляется одной из наиболее употребимых. Подобные примеры можно найти и в исторических хрониках прошлого века, когда к этому образу для обозначения «чужести» обращались прямые идеологические противники: *Узурпатор, захвативший власть в родном Подольске вьет вашу кровь*.

Также в поле сверхъестественного находится еще одна из излюбленных пропагандистских метафор — религиозная. Исследователи метафорики Гитлера указывают на то, что в «Майн кампф» он неоднократно пытался дать божественное подкрепление своим безумным идеям [Мусолфф 2007: 235]. Уместно провести аналогию и с риторикой пропаганды в рассматриваемом романе: *Доколе смиряться с колдовством и бевсовским обморачиванием? Хотя «своесть» в «Теллурии» не связана с божественными сущностями, «чужесть» зачастую отождествляется с бесами, колдунами и прочими ре-*

лигиозно противными образами. В христианском мировоззрении абсолютным злом предстает, конечно же, Сатана. Безусловная «чужесть» весьма очевидна в подобном образе. *Воистину сам Сатана помогал этим извергам, прикрывающимся крестами и партбилетами*. Итак, несмотря на смешение идеологий и размывание некоторых истин, абсолютное христианское зло в этом антиутопическом мире по-прежнему отождествляется с Люцифером.

Таким образом, анализ способов метафорического моделирования концептуальной диады «свой — чужой» в романе Владимира Сорокина «Теллурия» показывает, что в рассматриваемом романе из-за выбранного стиля повествования, копирующего многие значимые метафоры пропаганды XX в., большое значение имеют фитоморфные и зооморфные метафоры, а также метафоры со сферой-источником «Сверхъестественное», что является стилистической особенностью данного романа, входящего в цикл произведений антиутопической политической сатиры автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайс Д.* Паразиты, падаль, мусор: образ врага в советской пропаганде // Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. С. 188—200.
2. *Грозный П.* Навальный, Прохорова и Крылов читают «Теллурию» // Изд-во «Corpus» : сайт. URL: <http://www.corpus.ru/press/navalny-prokhorov-and-krylov-read-tellurja.htm> (дата обращения: 29.03.2014).
3. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
4. *Кон И. С.* Открытие «я». — М. : Политиздат, 1978.
5. *Мусолфф А.* Политическая терапия посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн Кампф» // Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. С. 234—237.
6. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. — М. : Наука, 1977.
7. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Академический проект, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.